

УДК 1(091):130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.2.136

ПЕРЕХОД ОТ ХРИСТИАНСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ К НОВОЕВРОПЕЙСКОМУ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

С.И. Сулимов

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

Цель исследования – выявление и раскрытие социальных и духовных причин формирования новоевропейского понимания философии истории. Новизна исследования заключается в выявлении факторов общественного развития, повлекших за собой отказ новоевропейских мыслителей от христианского финализма, но не приведших к возвращению традиционной циклической парадигмы понимания истории. В результате исследования нами были обнаружены такие факторы, приведшие к трансформации западноевропейского понимания истории в XVI–XVII вв., как сформировавшийся в городах-коммунах тип личности, стремящейся к индивидуальной деятельности, вере и познанию; распространение книгопечатания; успехи естественных наук; Английская революция, продемонстрировавшая непрочность любого политического режима.

Ключевые слова: философия истории, социальная философия, индивидуализм, книгопечатание, общественная динамика.

Введение

Актуальность данной работы вызвана тем фундаментальным наследием, которое оставило современности западноевропейское общество в Новое время. Это и колониальная система, становление и распад которой повлияли на все без исключения ныне существующие культуры и цивилизации, и противоречивые экономические достижения, во многом способствовавшие становлению мировой капиталистической системы со всеми достоинствами и издержками данного явления, и множество технических изобретений, до неузнаваемости изменивших производство, военное дело и даже досуг всех народов планеты. Но ведь такие свершения не могут произойти без предшествовавших им мировоззренческих изменений, среди которых одним из самых важных является трансформация представлений о динамике общественного развития и особенно о характере исторического процесса. Например, циклическая парадигма исторического развития с необходимостью приводит к попыткам законсервировать традиционное общественное устройство и безуспешной ориентации на «золотой век», якобы имевший место в далёком прошлом. Ориентированная же на неизбежный финал земной истории и перемещение человечества в иную, трансцендентную, реальность христианская парадигма понимания истории, характерная

для западного Средневековья, оставляла без внимания многие явления и проблемы социальной эмпирии, без решения которых новоевропейская политическая и культурная экспансия не была бы возможна.

В данной работе мы предпримем попытку выявить и проанализировать те социальные и духовные факторы, которые привели к замене в западноевропейском мировоззрении средневекового понимания истории (финализма) на прогрессизм и неоциклизм Нового времени.

Целью исследования является выявление духовных, социальных и политических факторов, приведших к пробуждению интереса западных европейцев к явлениям, процессам и событиям социальной эмпирии в XV–XVII вв. Эта цель предполагает решение следующих задач:

- раскрыть социальные процессы, приведшие к формированию новоевропейского типа личности;

- отметить технические достижения, которые позволили новоевропейскому мировоззрению функционировать, а новым идеям – овладевать широким кругом образованной публики;

- выявить политические события, привлёкшие внимание европейцев к процессам и явлениям, содержащимся в современной им земной общественной реальности.

Методологической основой исследования послужили сравнительный анализ и сопоставление таких событий XV–XVII вв., как изобретение книгопечатания, расцвет культуры в самоуправляющихся городах-коммунах, обретение автономии естественными науками и Английская революция (1640–1660 гг.).

Теоретическая база работы – исследования отечественного исследователя Н.А. Кареева и британского историка Р. Осборна, подробно изучавших социальный и духовный переход от средневекового западного общества к новоевропейскому. Становление философской литературы, характерной для городского общества XV–XVI вв., мы рассматриваем на материале исследований отечественного автора В.Г. Драча, а значение британской революции устанавливаем, опираясь на сочинение У. Черчилля.

Вместе с тем мы отдаём себе отчёт, что данный исторический период и произошедшие в нём социально-духовные процессы совсем не просты и являются предметом исследования западных и отечественных учёных на протяжении более чем столетия. Мы не претендуем на исчерпывающий их анализ и практически не затрагиваем такие явления, как гуманизм и Реформация. Заинтересованный читатель найдёт их тщательное рассмотрение в работах таких авторов, как М. Вебер, М. Брендлер, Л.М. Баткин и В.В. Соколов. Наша же задача – выявить и подчеркнуть те социальные причины, которые привели к фундаментальной трансформации мировоззрения средневековых европейцев и сделали возможным новоевропейское понимание истории.

Практическая значимость исследования заключается в использовании данной работы при чтении таких гуманитарных курсов, как социальная философия, культурология и философские проблемы истории. Также результаты исследования могут применяться для прогнозирования дальнейших мировоззренческих трансформаций западноевропейского общества.

Социальные и технические достижения городов-коммун

Говоря о переходе европейцев в эпоху позднего Средневековья от финалистского понимания истории к парадигме прогресса, важно заметить, что даже основанный на теологии и библейской метафизике подход к социальной динамике в какой-то степени учитывал изменения, происходящие в обществе. К примеру, средневековый итальянский богослов Иоахим Флорский целенаправленно стремился найти в мировой истории такой этап, на котором в обществе доминировало бы чёрное духовенство, поскольку притязания римского папы на светскую власть невозможно было скрыть так же, как невозможно было провести аналогий между режимом понтифика и духовным авторитетом «отцов Церкви». Но такие неортодоксальные подходы к историческому развитию представляли собой в Средние века редкую экзотику, да и католический клир не стремился исследовать происходящие в земном обществе процессы в отрыве от сакрального смысла истории. Однако, невзирая на свою грамотность и систематическую работу с богословскими и философскими текстами, монашество не было единственным образованным сословием средневековой Европы, равно как оно почти никогда не было законодателем мировоззренческой моды. Если же говорить о светской аристократии, то её быт на протяжении всего Средневековья оставался военизированным и не предполагал глубоких духовных запросов. Но аристократия и духовенство не были единственными западными сословиями и точно не являлись монополистами в сфере мысли. Более того, параллельно с обеими общественными группами зародилась и набирала силу новая социальная общность, которая со временем стала претендовать на то, чтобы устроить жизнь европейского социума на собственных духовных и экономических началах. Речь идёт о самоуправляющихся городах-коммунах, население которых занималось ремеслом и коммерцией, а на земельную собственность вне городских пределов не претендовало и тем самым исключало себя из сеньориальных отношений, столь характерных для светских и духовных иерархов. Отечественный исследователь Н.И. Кареев пишет по этому поводу: «Существенные черты нового общества в его отличие от средневекового ранее всего проявились именно в городах. Города не только извне вышли из-под власти феодалов, но и внутри освободили свой быт от феодальных форм. Здесь впервые верховная власть отделилась от землевладения и сделалась выражением общей воли гражданства. Здесь впервые расторгались вассальные узы, ставившие одного свободного человека в зависимость от другого, и образовалось состояние граждан» [3, с. 39]. Такой город-коммуна с характерными для него карнавалами, выборами в городской

совет и негласным господством ростовщиков является оригинальным европейским явлением, и поэтому происходящие в нём духовные процессы протекали только в Европе, без параллелей с городским обществом Ближнего Востока или Китая.

Сформировавшаяся в коммунах Северной Италии и Германии личность человека-индивида, не связывавшего свою идентичность с каким-нибудь сословием, настаивала на определённых неотчуждаемых правах и стремилась занять в мире своё индивидуальное место в соответствии с индивидуальными же предпочтениями. Если в политическом отношении союз короны с автономными городами стал предвестником гибели для полунезависимых аристократов и не признававшего государственных границ духовенства, то в духовном плане развитие городской мысли шло по пути постепенного обособления индивида от традиционных религиозных форм духовной жизни. В обоих случаях немалую роль сыграли технические изобретения. Важнейшей такой новацией стал печатный станок с подвижными литерами, изобретённый в середине XV в. Иоганном Гуттенбергом и почти сразу же подорвавший монополию клира на книжную мудрость. Начиная с XVI в. сочинять книги мог любой человек, а не только монах, имеющий на это благословение аббата, и издание этих книг зависело лишь от того, сможет ли автор оплатить услуги типографии, которые благодаря станку Гуттенберга перестали быть дорогостоящими. Это, в свою очередь, привело к распространению грамотности, потому что умение читать теперь было связано не только с профессиональной деятельностью, но и с удовольствием. Вследствие формирования читательских запросов и авторских предложений возникло множество литературных жанров, многие из которых никак не были связаны ни с религией, ни с традицией, да и вообще не претендовали ни на какую серьёзность. Так, например, в Европе возродились античные жанры сатиры и мемуаров о путешествии. Не меньшее значение распространение печатных книг имело и для протестантской Реформации. Ведь когда Мартин Лютер настаивал, что пастор и даже рядовой верующий должны сами читать Библию, то он подразумевал, что бумажный экземпляр Священного Писания доступен каждому. Значение духовной эмансипации индивида от общины (например, от церковной проповеди или карнавального праздника) невозможно переоценить. Вот как характеризует произошедшую в духовном климате Европы метаморфозу британский исследователь Р. Осборн: «Распространение книгопечатания означало, что теперь любой состоятельный вельможа мог сочинить поэтическую книжку или изложить историю своих путешествий на бумаге и затем распространять экземпляры среди своих друзей, знакомых и тех, на кого он хотел повлиять. В XVI веке Европу наводнили повести о приключениях – их авторы представляли собой массу отдельных людей, каждый из которых пытался возвысить голос над шумной толпой. И так же, как из-под кисти фламандцев выходило искусство, в котором религиозный сюжет сменялся выражением духовно-

сти и особого настроения самого художника, из-под пера европейских писателей выходила литература, в которой не было Бога. <...> Западная Европа по-прежнему была насквозь пропитана христианством, однако на горизонте уже брезжил рассвет иного мира. В эпоху Реформации средневековое общество уступило место отдельному человеку, одиноко стоящему перед лицом Бога; пройдет ещё немного времени, и смысловая ось западной цивилизации вновь сдвинется: на сей раз христианин, состоящий в непосредственной связи с Богом, превратится в рационального индивидуума, нуждающегося в рационально устроенном обществе» [5, с. 358–359]. Размышляя о роли широкого распространения книгопечатания в становлении новоевропейской культуры, особенно хотелось бы отметить то значение, которое распространение печатной Библии сыграло в процессе Реформации. Дело в том, что Мартин Лютер и Жан Кальвин, настаивая на чтении Священного Писания каждым верующим, тем самым санкционировали свободный религиозный поиск, что выразилось в возникновении множества протестантских течений (квакеров, левеллеров, конгрегационалистов, янсенистов и т. д.) и сект. Если люди теперь должны были не принимать на веру слова духовенства, а читать, размышлять и делать выводы самостоятельно, то совсем не удивительно, что их мнения по ключевым вопросам веры не могли оставаться единообразными. Но пытливый горожанин-индивид не ограничился религиозной проблематикой, и вскоре объектом его интереса стал весь окружающий мир – от астрономии до политики. Мнение классических мыслителей, которые столетиями господствовали в средневековых университетах, больше не вызывали безоговорочного доверия.

Становление литературы нового типа: от утопии к политическому трактату

Современный отечественный исследователь Г.В. Драч, размышляя о творчестве Т. Кампанеллы, предположил, что в XVI в. было сделано достаточно открытий и опубликовано слишком много книг, для того чтобы «Физика» Аристотеля продолжала считаться исчерпывающим сочинением: «Необходимость новой теологии, так же как новой метафизики, новой философии и вообще всего обновления наук, Кампанелла обосновывает успехами человеческой цивилизации, достижениями эпохи великих географических открытий. Нельзя ссылаться на древних и ограничиваться Аристотелем, писал он в трактате “Против языческой философии” и в “Богословии”. После того как Колумб открыл Новый Свет, а Магеллан совершил кругосветное путешествие, стали известны новые моря и земли, нравы и обычаи неизвестных доселе народов. Коперник обосновал новую космологию, Тихо Браге и Галилей открыли не наблюдаемые древними астрономами звёзды, кометы и планеты. Были изобретены книгопечатание, артиллерия, телескоп, реформирован календарь» [2, с. 9]. Разумеется, такие успехи естественных наук (т. е. в познании природы) пробудили исследовательский интерес и к

общественной проблематике. Тем более, что роман-путешествие в годы Великих географических открытий превратился из развлекательного чтива в познавательное. Литературный жанр путешествий был известен в Западной Европе с раннего Средневековья, в частности, в ирландской агиографии так составлялись жития некоторых святых (например, «Плавание святого Брендана») [1, с. 242–245]. Но мемуары участников трансокеанских экспедиций и завоевания Центральной Америки претендовали на достоверность. Их авторов читатели нередко знали воочию, и ни один из этих мемуаристов не претендовал на личную исключительность. Например, написанная отставным конкистадором Берналем Диасом «Правдивая история завоевания Новой Испании» быстро превратилась в бестселлер. Важность этого произведения заключается в том, что оно «из первых рук» повествует о встрече европейцев с иным миром, в котором христианские и античные представления о жизни не имеют никакого смысла. Причём этот мир – не потусторонний; он находится на западном побережье Атлантического океана, и любой мореплаватель, солдат или купец может достигнуть этого мира без какой-либо мистики. Однако Диас, описывая сражения и приключения своих соратников, образ жизни и особенности культуры ацтеков, недвусмысленно дал понять, что традиционные для Западной Европы представления о мире и населяющих его народах очень ограничены. Похожую работу проделал креститель Юкатана францисканец Диего де Ланда Кальдерон, в работе «Сообщение о делах в Юкатане» изложивший краткий очерк истории городов-государств майя на протяжении XV–XVI вв. Но если адресатом сочинения Кальдерона хотя бы номинально считался испанский король, то Диас обращался напрямую к широкой читающей публике, тем самым поощряя её интерес к реальным, существующим в мире обществам и как бы случайно опровергая мнение европейцев о собственном всезнании. Но в тот момент европейские очевидцы пытались рассматривать заокеанский мир с точки зрения собственных политических представлений. Например, ацтекский император – «тлатоани» – казался им «королём», а майянские вожди – «сеньорами», которых конкистадоры пытались привести к вассальной присяге испанскому монарху и столь же безуспешно пробовали следовать в сражениях с ними нормам западной воинской этики.

Однако как в естественных науках вслед за открытиями появились изобретения, так и в представлениях об обществе произошёл переход от описания новых стран к конструированию утопий. Важно отметить, что эти утопии пока не были новаторскими политическими проектами. Ни Томас Мор, ни Томмазо Кампанелла, ни Френсис Бэкон не утверждали, что описываемые ими идеальные порядки хотя бы в принципе могут быть реализованы в одной из новоевропейских стран. Утопию Бэкона вообще справедливо считают технократической: «Сюжет “Новой Атлантиды” Бэкона, с одной стороны, типичен для утопий того времени, а с другой, представляет новую тенденцию, отвечающую веяниям эпохи нарождающегося капитализма. Типичность утопии состоит в развитии жанра романа-путешествия и

островной темы. Напротив, оригинальность – в разработке не социальных, а преимущественно научно-технических аспектов организации будущего общества, что позволило исследователям отнести утопию Бэкона к категории технократических» [6, с. 65]. Т. е. утопия не стала заменой средневековому католическому учению о государстве и даже не претендовала на эту фундаментальную роль. Однако причиной такого бурного развития утопического жанра не в последнюю очередь стали Великие географические открытия и хотя бы поверхностное знакомство европейцев с общественным устройством американских и азиатских народов. Вместо того чтобы по характерной для средневекового католицизма моде безоговорочно отвергать чуждый, иноверческий социальный опыт, мыслители-утописты, а вслед за ними и иные философы предпочли познавать сначала чужие общества, а потом и своё собственное. Необходимо отметить, что католическое социальное учение не могло в этом помочь. Ведь для христианства вообще и для католицизма в частности характерна прочная связь между небесным и земным мировыми порядками, и земной мир сам по себе, в отрыве от мира небесного не представляет для Церкви большого интереса. Отечественный исследователь Н.И. Кареев заметил по этому поводу: «Земля объявлялась юдолюю печали и страданий, и в настоящей жизни спастись из этой юдоли казалось возможным только в монастыре; миру с его несовершенствами не противопоставлялся иной социальный идеал, кроме тихого пристанища монашеской обители, да и зачем было стремиться к тому, чтобы лучше устроить материальную жизнь людей, когда она-то, жизнь эта, и есть источник нравственной гибели?» [3, с. 76]. Именно, потому что ни учение об обществе Блаженного Августина, ни философия истории Иоахима Флорского не углубляются в подробности реальных политических процессов, познание общественной реальности стало уделом людей, участвовавших в политической борьбе, пусть даже при этом и не очень ревностных католиков.

Одним из первых мыслителей, заинтересовавшихся современным ему общественным строем и принципами его функционирования, стал Никколо Макиавелли (1469–1527). Большую часть своей жизни этот человек посвятил политической борьбе в своей родной Флоренции, и эта борьба не всегда проходила для него удачно. Однако, возможно, именно этот факт побудил его исследовать политику и общество такими, каковы они есть, безотносительно к тому, что должно быть в принципе. Для того чтобы лучше понять перемену, произошедшую в осмыслении общества, ознаменованную творчеством Н. Макиавелли, приведём несколько примеров из работ итальянского мыслителя. В книге «Государь», написанной как пособие для правителя, Макиавелли даёт гипотетическому венценосцу такой совет: «Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотреблять милосердием. Цезаре Борджиа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навёл порядок в Романье, объединил её,

умиротворил и привёл к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости» [4, с. 91]. Т. е. мыслитель призывает правителя быть прагматичным и, если потребуется, не останавливаться перед крайними мерами. Мерило политического успеха, с точки зрения Макиавелли, – выгода, а не доброе имя и личное благочестие. Именно поэтому он сравнивает политику, проводимую Чезаре Борджиа, с политикой Флорентийской республики, исходя из достигнутых результатов, а не устремлений или верности идеалам. Т. е. если герцог Борджиа сумел реально установить в Папской области мир, а флорентийское правительство не сумело защитить один из подвластных городов, то для правителей предпочтителен опыт Борджиа, даже если он не опирается на христианские добродетели или учения античных философов. Автор «Государя» пишет об этом прямо и без стеснения: «О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нём не остаётся места, когда за большинством стоит государство» [4, с. 95].

Однако считать Макиавелли проповедником имморализма было бы неправильно. Он вовсе не путает добро со злом и высказывает в своём творчестве традиционные для католической Европы нравственные оценки. Другое дело, что эти оценки никак не влияют на прагматическую выгоду от политических действий, которые писатель рекомендует воображаемому правителю. В одной из глав «Государя» мыслитель отмечает, что если бы общество располагало добрыми нравами, то в вероломной и жестокой политической практике не было бы нужды. Однако эмпирическое средневековое общество не оставляет правителю выбора, если только он желает сохранить корону: «Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдётся. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушила своё слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру» [4, с. 94].

Если сравнить Макиавелли со святым Августином, считавшим, что никакое земное государство не сможет заменить человеку Царства Небесного, или с епископом Евсевием Кесарийским, возлагавшим надежды на христианизацию политики, то флорентийский мыслитель стоит на более

примитивной, но и более подходящей для познания позиции. Ведь он рассматривает общественные отношения в их наличном виде, ничего нового не предлагая и не призывая ни от чего отказываться. Макиавелли предполагал, что правила политической борьбы существовали задолго до того, как родился первый желающий их реформировать и облагородить. Поэтому политическому деятелю приходится учитывать эти правила и следовать им, а не давать им нравственную оценку. Эта мысль обусловила слабое место концепции флорентийского автора: описываемые им социально-политические отношения словно не развиваются, а общество всегда остаётся одним и тем же; меняются лишь имена правителей, границы и названия государств. Условно говоря, политическую философию Макиавелли можно назвать возвращением к античной циклической традиции Геродота и Фукидида. В частности, размышляя о событиях римской истории, Макиавелли пытался обнаружить в ней те же мотивы, которыми руководствовались итальянцы XVI в. – его современники. Однако следует отдать флорентийскому писателю должное: он стал первым новоевропейским автором, который попытался изучать общество исключительно в его наличном виде, не сравнивая друг с другом небесный и земной порядки.

Английская революция как свидетельство необратимости истории

Общественная динамика стала очевидной для всей Западной Европы после того, как в Англии в середине XVII в. произошла революция, в ходе которой был осуждён и казнён король Карл I Стюарт, а государственная система подвергались коренному и наглядному реформированию. Казнь монарха сама по себе была событием неслыханным: в Средние века королей иногда убивали заговорщики, но только для того, чтобы возвести на трон кого-то из родственников погибшего венценосца. Во время Английской революции схваченный король предстал перед судом парламента так, как если бы был обычным политическим преступником (например, изменником). До последней минуты ни монарх, ни его приближенные, ни даже некоторые судебные заседатели не верили в то, что простолюдины могут вынести приговор своему монарху. Однако под давлением радикально настроенных солдат смертный приговор всё-таки был вынесен и приведён в исполнение. А вскоре после этого командующий революционной армией генерал Оливер Кромвель превратился в диктатора того типа, который часто появлялся на политической сцене в первой половине XX в. В частности, сторонники Кромвеля разогнали большую часть парламента, упразднили англиканскую Церковь, а вся власть сосредоточилась в руках генерала и небольшой группы лояльных к нему депутатов. Шок, который испытала при виде этих лавинообразных социально-политических изменений западноевропейская читающая публика, хорошо выразил У. Черчилль: «Монархия и палата лордов ушли в прошлое; англиканская Церковь пребывала в прострации; от палаты общин осталась немногочисленная группа, презрительно называемая

“Охвостьем”. Сами члены “Охвостья” не страдали от недостатка самомнения. В своём представлении они были живым воплощением того дела, которое защищал парламент, и считали, что страна ещё долгие годы будет нуждаться в их руководстве» [7, с. 298]. Реставрация монархии, произошедшая во второй половине XVII в., лишь доказала, что общество изменилось необратимо. Новый монарх хоть и был приглашён на престол парламентом, но моментально лишился короны, едва попытался править самовластно. Если Карл I, прежде чем попасть на эшафот, вёл с революционерами долгую гражданскую войну, то Яков II даже не имел возможности сопротивляться, потому что ни одна воинская часть его не поддержала, и поэтому бесславно бежал из Лондона (1688). Таких прецедентов Средневековье не знало, но в реальности революционных событий не приходилось сомневаться.

Произошедшая в Англии революция стала предметом самого разнообразного осмысления. Например, Томас Гоббс именно под впечатлением от казни короля задумался о сущности государства. Джон Локк попытался сформулировать неотчуждаемые права человека, которые никакое государство – как монархическое, так и республиканское – не сможет отобрать. Современный британский исследователь Р. Осборн считает Английскую революцию катализатором активации интереса к эмпирическому общественному развитию: «В 1640-х годах попытки теоретического осмысления начал современного государства неожиданно получили мощный практический импульс, и его источником стал политический кризис в одной из главных европейских монархий. Именно английская революция создала ситуацию, в которой у политических идей появился шанс на широкое публичное обсуждение» [5, с. 442]. В отличие от утопий прежних времён, политические проекты XVII в. допускали свою реализацию, и возможность такой реализации стала наглядной. Теперь наиболее глубокомысленные исследователи стремились прогнозировать возникновение и степень осуществимости подобных земных проектов в земной же реальности, которую смелые замыслы, как оказалось, могут фундаментально изменить.

Заключение

В данной работе мы предприняли попытку выделить предпосылки формирования новоевропейской философии истории. Самыми важными из этих социальных и духовных факторов являются следующие. Первым стало формирование в самоуправляющихся городах-коммунах нового типа личности-индивида, стремящейся к индивидуальной деятельности, вере и познанию. Вторым фактором трансформации западноевропейской духовной, а затем и социальной жизни оказалось распространение печатного слова, позволившее каждому грамотному человеку приобщаться к знаниям и размышлять о них самостоятельно. Третьей предпосылкой формирования новоевропейской философии истории стали успехи естественных наук, повлекшие вслед за стремлением познавать материальный мир желание освоить закономерности мира социального. При этом важно отметить, что без

распространения книгопечатания и интереса к светской литературе эти научные достижения оказались бы бесполезны, потому что не достигли бы образованной публики, оставшись достоянием лишь узкого круга естествоиспытателей и фантазёров-утопистов. И, наконец, немаловажную роль в трансформации европейских представлений об общественной динамике сыграла Английская революция, продемонстрировавшая, что наличный политический порядок непрочен и вполне подвластен человеческим усилиям. Именно благодаря хоть и кратковременной, но очень зрелищной замене английской монархии на республику и установлению прочных ограничений для монаршей власти, которые не смогла ликвидировать даже реставрация, европейцы увидели важность и необратимость событий земной истории. Под влиянием Английской революции интерес к общественному развитию превратился из мечтательного в практико-ориентированный. Ведь теперь европейским эрудитам и политикам стало ясно: общественное развитие подвластно человеческой воле, и общество может быть изменено самым радикальным образом, если так сочтут нужным люди. Пока ещё никто не знал, каковы пределы возможностей действующих лиц земной истории, повторяются ли ключевые события и возможен ли какой-нибудь прочный результат исторического развития, однако самодостаточность земного мира и его способность необратимо развиваться оказались признаны единогласно.

Благодаря рассмотренным нами в данной работе социально-духовным трансформациям новоевропейского общества в дальнейшем стало возможным возникновение таких парадигм осмысления истории, как неоциклизм, предтечей которого стал Дж. Вико, и прогрессизм французских просветителей.

Список литературы

1. Диллон М., Чедвик Н.К. История кельтских королевств. М.: Вече, 2006. 512 с.
2. Драч Г.В. Томмазо Кампанелла: философия и социальная теория // Утопические проекты в истории культуры: матер. II Всеросс. (с междунар. участием) научн. конф. «Утопические проекты в истории культуры» на тему ««Город Солнца»: в поисках идеального локуса». Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2019. С. 7–11.
3. Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории Нового времени. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1902. 195 с.
4. Макиавелли Н. Сочинения. СПб.: Кристалл, 1998. 656 с.
5. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, 2018. 768 с.
6. Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования: монография / Т.С. Паниотова, Е.В. Золотухина, И.В. Желтикова и др. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2021. 268 с.
7. Черчилль У.С. Британия в Новое время (XVI–XVII вв.). Смоленск: Русич, 2006. 416 с.

**TRANSITION FROM CHRISTIAN TO NEW EUROPEAN
UNDERSTANDING OF HISTORY:
PREREQUISITES AND FACTORS OF CHANGE**

S.I. Sulimov

Voronezh State University, Voronezh

The purpose of the study is to identify and reveal the social and spiritual reasons for the formation of a new European understanding of the philosophy of history. The novelty of the study is to identify the factors of social development that entailed the refusal of New European thinkers from Christian finalism, but did not lead to the return of the traditional cyclical paradigm of understanding history. As a result of the study, we discovered such factors that led to the transformation of the Western European understanding of history in the XVI-XVII centuries. as the type of person that has formed in the communal cities, striving for individual activity, faith and knowledge; distribution of printing; advances in the natural sciences; An English revolution that demonstrated the fragility of any political regime.

Keywords: *philosophy of history, social philosophy, individualism, printing, social dynamics.*

Об авторе:

СУЛИМОВ Станислав Игоревич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Author information:

SULIMOV Stanislav Igorevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 20.05.2023.